

]

— Брат Янь. — Цинь Фан позвал его.

Син Янь повернул голову, и их взгляды встретились. Это был уже не первый раз, когда они так смотрели друг на друга — со счета давно сбились. Цинь Фан тихо произнес:

— Спасибо, что дал мне эту свободу.

В лунном свете глаза обоих поблескивали. Син Янь промолчал, лишь едва заметно тронул уголками губ улыбку, а затем поднял руку и щелкнул Цинь Фана по лбу.

Такой жест стал для Цинь Фана полной неожиданностью. Син Янь был человеком, который всегда держал дистанцию, и подобные проявления близости с другими людьми за ним водились редко. Если бы кто-то другой позволил себе подобное, Цинь Фан, возможно, отстранился бы — считая себя «стопроцентно натуралом», он почувствовал бы неловкость. Но когда это сделал Син Янь, Цинь Фан принял жест легко и спокойно.

Может, это долгое путешествие так сблизило их, а может, та улыбка и взгляд Син Яня снова его заворожили.

— Я никогда не спрашивал, — Цинь Фан сорвал травинку и принялся рассеянно наматывать её на палец, — кем вы все друг другу приходитесь?

Син Янь пошевелил сумку, служившую ему подушкой, и переспросил:

— А ты как думаешь?

Цинь Фан задумался:

— Даже не знаю. Поначалу казалось, что вы друзья, но что-то не то. Да и друзьям не обязательно жить под одной крышей.

— Хм, — отозвался Син Янь.

Цинь Фан не стал гадать дальше. В ночной тишине голос Син Яня звучал удивительно чисто и прохладно:

— Мы выросли вместе.

Выросли вместе. Звучит просто, но в этом скрыто гораздо больше. По крайней мере, этих слов Син Яня хватило, чтобы Цинь Фан понял главное. Они не друзья, не товарищи с пеленок — они просто выросли вместе. Это почти совпадало с тем, что он предполагал ранее.

В том доме они жили настолько слаженно, что казалось, эта привычка друг к другу не могла возникнуть за один день. Никто из этих четверых не рвался домой, потому что сам тот дом и был для них домом.

Ранее Син Янь говорил, что с десяти лет ездил в люльке мотоцикла Пятого брата — увлекся этим, потому что отец любил такие вещи. Но сам он не ездил на машине своего отца.

Когда Син Янь посмотрел на него, Цинь Фан улыбнулся и, вскинув бровь, уточнил:

— Так вы, значит, как братья?

В последние дни Цинь Фан чувствовал каждый взгляд Син Яня, устремленный на него. Он не знал, хочет ли тот продолжать этот разговор. Если Син Янь не намерен откровенничать, он мог бы просто кивнуть, и тема была бы закрыта.

Син Янь помолчал какое-то время, а затем негромко произнес:

— Можно сказать и так.

Цинь Фан ответил «м-м» и не стал расспрашивать дальше.

— У нас нет дома, — неожиданно добавил Син Янь. — Ни у кого из нас.

Струна в душе Цинь Фана дрогнула, но лицо осталось невозмутимым. Он не повернулся, прекрасно понимая, какая реакция сейчас будет правильной — именно та, которой ждет собеседник, та, что подобает слушателю.

Звезд в дикой местности гораздо больше, чем в городе. Цинь Фан смотрел в звездное небо и слышал голос Син Яня:

— Нам пришлось держаться друг за друга, чтобы вырасти.

Цинь Фан продолжал крутить в пальцах тонкую травинку. Подождав еще с полминуты и убедившись, что Син Янь больше ничего не скажет, он повернул голову и негромко признался:

— ...У меня тоже нет дома.

Оба замолчали. Они просто лежали, глядя прямо в ночное небо. Ночь опустилась на землю, в стрекоте цикад звездный свод стал свидетелем того, как двое юношей поделились друг с другом тайной.

Обратный путь был длиннее: пришлось сделать крюк, чтобы сменить маршрут. Впрочем, пейзажи оставались живописными, даже еще лучше, чем прежде. По пути Син Янь иногда отрывался от колонны вместе с Цинь Фаном, и они заезжали в маленькие городки, чтобы прогуляться. Они то и дело останавливались, а к вечеру нагоняли остальных, чтобы вместе отдохнуть.

Это дало Цинь Фану время для фотосъемки. Он специально забрал камеру из машины брата Го и теперь, повесив её на шею, снимал всё, что видел.

Цинь Фан выбрал несколько снимков и выложил их в ленту «Моментов». На одной из фотографий был Син Янь, снятый сзади, когда он опирался на машину. В кадре — парень в черной одежде, держащий в руке белый шлем.

Подпись Цинь Фана: «Soooooo boy».

Хуа Тун оставил комментарий: «Ни хрена, это кто?»

Не успел Цинь Фан ответить, как пришло сообщение от Хуа Туна: «Кто это? Только не говори мне, что это Чжоу Сымин».

Цинь Фан: «Ты ослеп? У Чжоу Сымина такая внешность?»

Хуашаньский красавец Старый Туншу: «Ну и хорошо, блин. На твоём фото вообще лица не видно».

Цинь Фан ответил: «Это Син Янь».

Хуашаньский красавец Старый Туншу:

— ...Блин.

— Сейчас враги стали такими стильными? В будущем даже подраться толком не получится.

Цинь Фан со смехом ответил: «Какие враги? В будущем все будем друзьями».

Хуа Тун: «Я правда поражаюсь тебе. Умудриться подраться и завести двух друзей».

Цинь Фан спорить не стал, просто перекинулся с ним еще парой фраз ни о чем. На самом деле, слова были не совсем точными: с Чжоу Сымином они друзьями так и не стали, перекинулись парой слов, после которых снова хотелось лезть в драку.

— Брат Янь, — окликнул его Цинь Фан, — обернись.

Син Янь выполнил просьбу. Цинь Фан навел камеру. Син Янь оказался довольно покладистым — не стал уворачиваться, а только поднял руку, прикрыв предплечьем глаза, и показал знак «V».

С серьезным лицом и «викторией» — зрелище было уморительным. Цинь Фан хохотал, снимая его. Сделав кадр, он поднял большой палец вверх:

— Даже с пальцами в форме V не теряешь своей крутости. Ты просто клад, парень.

Син Янь бросил на него взгляд и спросил:

— Чему ты постоянно радуешься?

— Настроение хорошее, — смеясь, ответил Цинь Фан. — Мне всё кажется смешным.

Сначала Син Янь проигнорировал его, но чуть погодя сам тихо усмехнулся и бросил, почти шепотом:

— Ну чисто дурачок...

Цинь Фан всё равно услышал. Замер на секунду, а потом, подражая Хуа Туну, воскликнул «блин» и с разбегу навалился на Син Яня со спины, обвинив его шею руками.

— Что ты сейчас сказал? М?

Син Янь согнулся под его весом. Даже когда этот крутой парень смеялся, он выглядел очень привлекательно.

— Говорю, ты всё время смеешься. Как дурачок.

— Ну ты даешь... — Цинь Фан сжал руки крепче, поддевая пальцами подбородок Син Яня. — Кажется, ты не хочешь признавать поражение?

Син Янь, чью шею продолжали сдавливать, улыбнулся так, что уголки его глаз с двойными веками выглядели особенно выразительно:

— Сдаюсь.

— Сдаешься? — Цинь Фан вскинул бровь.

Син Янь кивнул, пытаясь ухватиться за запястья Цинь Фана, чтобы разжать хватку:

— Сдаюсь, брат Фан.

Он назвал его так впервые, и Цинь Фан не удержался — расхохотался во весь голос.

Когда Син Янь выпрямился, он развел руками, мол, ну вот, это не я говорю, что ты похож на дурачка.

У самой красивой дороги есть конец, а у любого путешествия — срок возвращения домой.

Даже если вся поездка прошла на одном дыхании, после того как Цинь Фан принял душ и рухнул на кровать, он почувствовал, что мышцы ноют, а сам он устал, словно загнанная собака. Не было заметно, чтобы Син Янь устал, но когда Цинь Фан вернулся из ванной, тот уже спал, и Цинь Фан, едва коснувшись подушки, тоже провалился в сон.

Они проспали до самого полудня. Когда Цинь Фан проснулся и взял телефон, то увидел три пропущенных звонка от Цзянь Муяна.

Он глянул в сторону Син Яня — тот еще не встал — и, натянув тапки, вышел в коридор, чтобы перезвонить.

Цзянь Муян ответил быстро, но Цинь Фан сразу нахмурился, едва услышав его голос.

— Что случилось, Яньян?

Цзянь Муян позвал «брат», и в его голосе слышался отчетливый «в нос» оттенок:

— Папа с мамой поссорились.

Цинь Фан тихо спросил:

— Ты плакал?

— Да, — Цзянь Муян шмыгнул носом. — Они очень сильно ругались, я испугался.

— Не бойся, — успокаивал его Цинь Фан. — Взрослые иногда ссорятся.

— Но мама вела себя как-то странно. Она никогда такой не была. — Цзянь Муян говорил совсем тихо, видимо, спрятавшись у себя в комнате. — Она долго плакала, а потом уснула.

— Ничего страшного, — снова повторил Цинь Фан. — Не бойся.

Цинь Фан не знал, из-за чего поссорились Цзянь Минтао и Дун Инь, да и не горел желанием узнавать — возможно, всему виной гормоны из-за беременности. Но то, что Цзянь Муян плачет, отозвалось тревогой в сердце Цинь Фана. Муян был ребенком, который редко плакал, он любил улыбаться.

Цзянь Муян приглушенно спросил:

— Брат, когда ты вернешься?

Цинь Фан глянул на дату в телефоне:

— Скоро.

— А когда вернешься, приедешь домой? — прошептал Цзянь Муян. — Я соскучился, брат.

— Хорошо, — пообещал Цинь Фан.

За эти дни, проведенные в отрыве от цивилизации, телефон почти всё время был вне сети. Обычно те, кто его искал, не имели при себе ничего срочного, поэтому он отвечал по мере возможности, а если дела были неважные — и вовсе не отвечал. За эти дни накопилась куча уведомлений, Цинь Фан мельком проглядел их — всё сплошь бестолковая чепуха.

Когда он вышел из ванной, как раз закончив утренние процедуры, по лестнице спускался Хань Сяогун.

<http://bllate.org/book/18141/1744608>